

«*Archeologia*». Rocznik Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie i Polskiego Towarzystwa Archeologicznego, Warszawa — Wrocław, 1952, т. III (1949), стр. VIII+448+2 вклейки.

В июне 1952 г. вышел в свет третий том «*Archeologii*» — одного из лучших польских журналов по древней истории и археологии¹. Рецензируемый том, как и предыдущие два выпуска этого журнала, отличается богатым и разнообразным содержанием, высоким научным уровнем большинства печатаемых в нем статей и сообщений, хорошим подбором и воспроизведением иллюстраций. Значительно повысился идейно-политический уровень журнала в целом; третий том «*Археологии*» в этом отношении стоит намного выше, чем первые два номера журнала. Очень значительное, почти трехлетнее, запоздание с выходом в свет данного тома, повидимому, объясняется некоторым изменением характера журнала: если раньше «*Археология*» была органом одного Польского археологического общества и издавалась в Вроцлаве, то теперь она издается также и Государственным археологическим музеем в Варшаве. Кстати сказать, редактор журнала, проф. К. Маевский в рецензируемом нами томе сообщает, что четвертый и пятый томы «*Археологии*» находятся в печати и должны выйти в свет в 1952 и начале 1953 г. Несмотря на задержку с печатанием рецензируемого тома за 1949 г., в нем все же учтены материалы многих журналов, вышедших в 1950 г., в частности и наши критические замечания в ВДИ первых двух номерах этого ежегодника.

Значительное повышение идейно-политического уровня «*Археологии*» отражает воистину исторические сдвиги, происходящие за последние годы среди польских ученых. Первый конгресс польской науки и последовавшее после него создание Польской Академии наук еще более усилили ясно намечавшийся уже с 1949 г. решительный поворот большинства польских историков и археологов к марксизму. Изучая труды классиков марксизма-ленинизма, равняясь на опыт и достижения советской исторической науки, польские ученые успешно помогают своему народу строить социализм. Эти важнейшие сдвиги, определяющие все дальнейшее развитие польской исторической науки, в весьма значительной степени отразились на страницах III тома «*Археологии*». Следует признать, что редактор журнала, проф. К. Маевский был одним из самых первых польских археологов, которые активно боролись за победу марксистского направления в польской науке². Третий том «*Археологии*», несмотря на имеющиеся еще недочеты, является важной вехой на пути дальнейшего развития польской марксистской археологической науки.

Рецензируемый том открывается статьей Р. Гансинца «Эпоха дерева» (стр. 1—6). Автор постулирует существование в истории человечества древнейшей, предшествующей палеолиту, эпохи дерева — палеоксила, хотя и признает, что «ввиду полного отсутствия материалов из древесины, принадлежащих к предпалеолитической эпохе и скудости их следов из эпохи самого палеолита, трудно доказать существование эпохи дерева» (стр. 1). Для доказательства своего предположения он привлекает четыре вида аргументов: методологические, этнологические, исторические и биологические. К методологическим доказательствам, по мнению автора, относится то соображение, что в каждую новую эпоху развития материальной культуры сначала происходит только частичное, постепенное, и притом социально ограниченное, вытеснение старых видов промышленного сырья новыми. Этнологически существование палеоксила доказывается наличием и в настоящее время племен, пользующихся исключительно изделиями из дерева. С исторической точки зрения важно учитывать, что развитие техники отличается «сосуществованием отдельных, нормально следующих друг за другом культурных фаз» (стр. 4). Если до сих пор наука сосредотачивала свое внимание исключительно на исторической последовательности материалов, то теперь

¹ Обзор первых двух томов см. в ВДИ, 1950, № 2, стр. 179—186.

² См. программное заявление «От редакции» в I томе «*Археологии*» (стр. 5—6); ср. ВДИ, 1950, № 2, стр. 180 сл.

следует учитывать совместность их использования «симбиоз настоящего с прошлым» (там же). Наконец, биологическое доказательство существования эпохи сводится к подчеркиванию роли дерева на заре существования человечества. Такова, в основном, аргументация автора в пользу его тезиса о существовании палеооксила.

В статье Р. Гансинца, на наш взгляд, правильно подчеркивается значение дерева как важнейшего вида сырья не только в ранние, но и в последующие эпохи развития материальной культуры и указывается на одновременное сосуществование различных видов сырья. Однако необходимо помнить, что никак нельзя любые изделия из древесины возводить к «палеооксилю» и представлять себе дело таким образом, будто бы «существующие культуры, использующие древесину, являются „перевитками“, продолжением эпохи дерева, которая „самовластно и нераздельно“ господствовала на заре истории человечества» (стр. 6).

В статье К. Маевского «Микенский ритон из Родоса» (стр. 7—17) анализируется изображение загадочной культовой сцены на сосуде, опубликованном в 1938 г. Л. Лауренци. Эта сцена представляет собой ритуальный танец — процессию трех полулюдей полужверей, одетых в кабаньи шкуры. Автор вслед за Пикаром считает возможным толковать рисунок, как изображение переодетых в маски и звериные шкуры исполнителей культового танца. Это предположение, подкрепляемое многочисленными аналогичными памятниками эгейской культуры, дает К. Маевскому основание считать что такие ритуальные танцы были связаны с идеологией первобытной общины III тысячелетия до н. э. на Крите. В заключительной части статьи автор подразделяет критские танцы на три группы: деревенские, придворные и жрецеские.

Интересна статья С. Парницкого-Пуделко «Афинский Гефестейон» (стр. 18—27), посвященная изучению храма на Колонос Агораийос в Афинах, который начиная с 1936 г. раскапывается американской школой в Афинах. Анализируя характер архитектуры храма и синтез ионических и дорических элементов в Гефестейоне, автор убедительно показывает, что храм был построен несколько раньше, чем Парфенон, примерно между 450 и 440 гг. до н. э. Трудность определения этого храма как святилища Гефеста состояла в том, что все боковые восемь метоп изображали подвиги Тесея, а фронтонные метопы — подвиги Геракла. Однако, по мнению автора, противоречие здесь только кажущееся. «В противовес Парфенону Гефестейон был центром районного культа в той части города, где весь день... среди узких переулков Керамика дымились печи ремесленных мастерских и где люди в коротких грязных хитонах были заняты повсе [черным, везде пренебрегаемым трудом]» (стр. 23). Вот почему бога ремесленников Гефеста заменила прекрасная фигура юного Геракла, жизнь которого, «полная трудов... превратила его в подлинного героя труда, хотя труды его были совсем иными, чем труды Гефеста» (стр. 23 сл.). Замена Гефеста Гераклом была полностью в духе аристократических тенденций греческой культуры. Рассуждения С. Парницкого о Геракле очень интересны и кажутся нам весьма правдоподобными. Культ Геракла на протяжении всей античности имел глубокие корни в массах трудящихся¹.

В статье А. Наша «Этнографические аспекты археологических исследований в Польше» (стр. 28—44) аргументируется на ряде конкретных примеров необходимость тесного сотрудничества археологов с этнографами. В качестве иллюстрации А. Наш приводит круг вопросов, связанных с жилищами, отоплением и сельскохозяйственным инвентарем польских племен раннего средневековья. Вторая часть статьи посвящена изучению с археолого-этнографической точки зрения открытой К. Мошинским этнической границы, идущей на юго-восток от устья Вислы. Автор показывает условность этой границы в различные периоды истории Польши.

¹ Интересные соображения о распространенности и классовом характере культа Геракла в первые века нашей эры приведены в статье Е. М. Шторман, Отражение классовых противоречий II—III вв. в культе Геракла, ВДИ, 1949, № 2, стр. 60—72. Ее статья, повидимому, осталась неизвестной С. Парницкому.

Большая статья Б. Билиньского «Проблема труда в древнем Риме. Царские времена и ранняя республика: VIII—IV/III вв. до н. э.» (стр. 45—111) представляет собой продолжение его же крупной работы, помещенной в предыдущем томе журнала, «Гесиодов взгляд на античность. I. Труд в древней Греции». Автор статьи, читавший в 1951 году программный доклад на съезде Польского филологического общества¹, в котором он призывал филологов-классиков отрешиться от мелочного анализа текстов и перейти к широким обобщениям социально-экономической жизни античности, пытается дать в этой работе пример того, как следует работать над источниками. В предисловии он правильно указывает, что «классическая филология, замкнутая в своей однообразно повторяющейся тематике, опутанная традиционным представлением об идеальной античности, расщепленная на тысячи заметок, потеряла связь с жизнью... Она становится искусством для искусства, нагромождая эрудицию, которую сами ее поклонники назвали *Wissenschaft des Nichtwissenswerten*» (стр. 47). Своей новой в польской классической филологии тематикой Билиньский делает попытку связать эту дисциплину с жизнью: «Филологи до сих пор преимущественно были только стражами знания, которое является статическим понятием; они должны теперь перейти на позиции науки, чтобы стать динамичными исследователями — такими учеными, которые не коллекционируют сокровища знания, но действительно и смело ищут новых истин» (стр. 48). Мы, со своей стороны, можем только присоединиться к этому призыву польского ученого.

В начале положительной части своей статьи автор, частично перекликаясь с исследованиями советских ученых², изучает причины некоторого параллелизма в развитии греческой и римской идеологии и приходит к выводу, что причиной этого явления было «в основном подобие процесса развития производственных отношений» (стр. 53). Мысль Б. Билиньского несомненно верная, однако несколько односторонняя; не менее важным, чем нахождение подобий и аналогий, является вскрытие различий в развитии греческой и римской идеологии, в частности, по вопросу об отношении к труду. В Риме, где рабство было значительно более развито, чем в Греции, пренебрежение к труду достигло значительно больших размеров. Цитируемое Б. Билиньским высказывание Цицерона о «презренных» профессиях (*de Off.*, I, 150—151) далеко не адекватно взглядам даже наиболее реакционных греческих авторов.

Несмотря на большую трудность определения характера идеологии различных слоев ранне-римского общества ввиду отсутствия современных источников и недостоверности римской традиции, автор удачно справляется с этой весьма нелегкой задачей, привлекая громадное количество не только литературных, но и археологических и особенно филологических свидетельств. Очень ценным представляется, в частности, его анализ развития ремесла в римском обществе царского периода и сравнение его с положением в Афинах. Правильно также и замечание о том, что свидетельства Ливия и Дионисия Галикарнасского о борьбе плебеев и патрициев необходимо использовать для характеристики социальных отношений II—I вв. до н. э., в то время как теперь они просто выпадают из курсов по истории Рима. Наконец, очень важны — и в этом, вероятно, наибольшая ценность работы Билиньского — его изыскания по вопросам социальной терминологии. Правильно замечание о невозможности происхождения термина *proletarius* непосредственно от *proles*, ибо в таком случае непонятным становится наличие суффикса -*tarius* (стр. 85); хорошо подмечена эволюция слова *labor*, которое только в последующее время стало обозначать не только физический, производительный труд, но и тяготы военной службы (стр. 87 сл.). В первоначальном смысле *labor* полностью соответствовал греческому *πόνος*. Важен, наконец, и подбор свидетельств о термине *securus* (стр. 94). Содержание всей статьи Б. Билинь-

¹ См. И. Бежуньская-Маловист, Обзор польской литературы по древней истории за 1949—1952 гг., ВДИ, 1953, № 1, стр. 126.

² См. С. Л. Утченко, Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики, М., 1952, гл. I: *Πόλις и civitas*, стр. 7—27.

ского невозможно изложить в рамках нашего обзора. Весьма желательно, чтобы сборник его статей по вопросу о роли труда в античности поскорее был издан отдельной книгой. Тогда будет весьма целесообразно перевести ее на русский язык.

В предыдущем обзоре I и II томов «Археологии» статья Б. Билиньского была подвергнута нами довольно резкой критике (ВДИ, 1950, № 2, стр. 183). Отмечая полезность такого рода работ, особенно для воспитывавшейся раньше в идеалистическом духе польской интеллигенции, мы указывали на имеющиеся в той статье элементы модернизации и на ее чересчур общий и в силу этого слишком популярный характер. Ознакомившись со второй частью труда Б. Билиньского, мы с радостью признаем ошибочность нашего мнения, поскольку речь идет о всем научном творчестве автора в целом. Наши предыдущие критические замечания, как это теперь стало ясным, относились не к сущности его взглядов, а лишь к отдельным неудачным формулировкам Б. Билиньского.

В заключение два существенных замечания. Во-первых, автор все время подчеркивает только воздействие базиса на идеологию. Важно помнить и о второй стороне явления — об активном воздействии надстройки на базис. Рабовладельческая идеология была не только отражением определенного уровня развития производительных сил, но она активно содействовала укреплению базиса рабовладельческого общества. Эта существенная сторона вопроса обойдена молчанием в статье Б. Билиньского. Во-вторых, автор, цитируя громадное количество работ буржуазных ученых, направляет весь огонь своей полемики только против оторванных от жизни *doctores umbratici*. Не менее важной для выработки правильного марксистского понимания античности является борьба против идеологов американо-английского империализма, пытающихся путем поверхностных аналогий с античностью обосновать бредовые притязания США на мировое господство. Эта важная задача совершенно выпала из поля зрения автора.

В статье К. Тыменецкого «Путь готов на юг» (стр. 112—122) рассматриваются вопросы об этнической принадлежности бастарнов и о маршруте движения готов к Черному морю. Полемизируя с утверждением известного чешского слависта Л. Нидерле, относившего первые столкновения германцев со славянами уже к V—III вв. до н. э. и считавшего, что бастарны двигались от Балтики к Черному морю через современную Польшу, автор доказывает, что бастарны были не германцами, а кельтами и что продвигались они не с севера на юг, а с запада на восток, вдоль Дуная. Исторически засвидетельствованных во II в. н. э. на Дунае готов нельзя идентифицировать с племемными гитонами, которые были относительно небольшим племенем и, по предположению Тыменецкого, являлись предками ранне средневековых пруссов.

Вторая статья Р. Ганснца «Гробница Болеслава Храброго» (стр. 123—168) посвящена изучению познаньской гробницы первого короля Польши. Автор показывает, что гробница была построена в середине XIV в. по приказу местного епископа Яна Лодзи.

Раздел журнала «Статьи» заканчивается чрезмерно пространным (стр. 169—206) ответом Ю. Кульчицкого на полемическое выступление Р. Рейнфуса («Археология», т. II, стр. 185—195) по поводу его статьи «Праформы мебели на территории Европы» («Археология», т. I, стр. 43—91). Думается, что редакции «Археологии» пора уже закончить эту затянувшуюся на четыре года и ведущую на параллельных курсах полемику.

Во втором разделе журнала *Miscellanea* наибольший интерес представляют две проблемные статьи по вопросам оценки и перспектив развития археологии в странах народной демократии: это небольшая статья чешского ученого И. Фреля, «Состояние классической археологии в настоящем и ее задачи на будущее» (стр. 207—210) и большая дискуссионная статья К. Маевского «Классическая археология в Польше. Достижения и план» (стр. 233—265). И. Фрель констатирует наличие двух исследовательских направлений в современной классической археологии. Первое из них, возникшее в XIX в. и выросшее на базе классической филологии, отказалось от широкого распространения своих достижений и превратилось в науку о себе

и для себя. Его сторонники ограничиваются анализом единичных фактов, не заботясь о синтезе. Это направление господствует на территориях античного мира, изобилующих памятниками и имеющих традицию позитивистского изучения античности. Второе направление, исходящее из теоретических предпосылок венской школы, генетически связано с историей искусства. Это направление отказалось от изучения конкретной действительности и перешло на позиции субъективизма. При помощи доведенного до абсурда стилистического анализа оно создает себе основу для построения классификационных систем вне связи с производственными отношениями и классовым делением обществ. Искусство понимается только как проявление метафизической «творческой воли», определяющей судьбы народов и человечества. Такое направление, характерное для падения науки в период империализма, особенно распространилось в странах, лишенных памятников античности, как Польша и Чехословакия. Выход из этого положения Фрель видит в переходе археологов-классиков к активному участию в борьбе народных масс, строящих социализм. Путь к этой цели ведет через овладение методом диалектического и исторического материализма, через учебу на примере советской археологии. Археологи стран народной демократии должны путем коллективной работы изучить не только классическую античность, но и культуры народов, соприкасавшихся с античностью. Важной задачей археолога-классика является «подача красоты античного искусства всем товарищам по пути к социалистическому будущему» (стр. 210).

К. Маевский, в связи с реорганизацией польской науки, основанием Польской Академии наук и созданием в ближайшем будущем Института истории материальной культуры (стр. 23), предлагает своим коллегам в виде тезисов материал для обсуждения положительных итогов польской классической археологии, для выявления ее недостатков и ошибок, в особенности методологических, и для определения плана работы на ближайшие годы. Им предлагается следующая общая оценка прошлого польской археологии: «Классическая археология в конце XIX и первой половине XX вв. развивалась в исторических условиях, аналогичных для всех гуманитарных дисциплин, обслуживающих классовые интересы буржуазии... Самыми ценными с точки зрения принципов исследования в области классической археологии являются вопросы, разработанные при помощи филологического мифологизма и атрибуционизма. Эти достижения в основном относятся к концу XIX и к первой четверти XX вв.» Во второй четверти XX в., «хотя классическая археология в Польше никогда не переходила на реакционные позиции в такой степени как немецкая и итальянская, однако ввиду отрыва от прогрессивного общественного движения и перевеса эрудиционно-эстетских интересов она вместе со всеми гуманитарными науками выполняла задачу защиты капиталистического базиса» (стр. 257).

Разрабатывая план научно-исследовательской работы на шестилетие, К. Маевский предлагает учесть изучение изображений «варваров» в античном искусстве, издать корпус античных памятников в польских коллекциях, составить библиографию классической археологии в Польше, разработать учебник по истории материальной культуры древнего мира и др.

Большой научный интерес для оценки роли импортируемых предметов в древности представляет помещенный в том же разделе *Miscellanea* отрывок из теоретического доклада К. Маевского «Проблематика исследования римских импортов на польских землях» (стр. 211—214). Развивая основные положения, разработанные им в книге «*Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich*»¹, К. Маевский приходит к ряду важных выводов. Прежде всего он указывает, что «без разработки понятия и роли импорта невозможно выделить в нашей культуре коренные элементы, элементы польской культуры». Затем он считает необходимым разграничить три различных вида импорта: 1) «случайного», «нетипичного» импорта, лишенного исследовательской ценности; 2) импорта, попадающего на восприимчивую почву и усваиваемого

¹ См. рецензию В. Ф. Гайдукевича, ВДИ, 1951, № 2, стр. 187—194.

местной культурой, и 3) импорта, воспринимаемого правящим классом или «элитой» и вызывающего не усвоение, а лишь п о д р а ж а н и е. Последний вид импорта возможен, очевидно, только в классовом обществе¹.

Кроме указанных трех статей, в том же разделе помещены краткие сообщения Е. и В. Г о л у б о в и ч е й «Культовая скульптура около д. Гарницарско под Сленчей», Т. Л е в и ц к о г о «Из истории арабской монеты в Восточной Европе», в которой доказывается, что русское «денга» происходит от арабского *dānig* (1/8 или 1/4 дирхема), и М. П л е з я «К вопросу о первоначальном брачном праве в Польше».

Значительно повысился в «Археологии» уровень рецензий. В обзоре первых двух томов этого журнала мы отмечали, что «отдел критики фактически является отделом информации» о книгах (ВДИ, 1950, № 2, стр. 185) и что критике подвергается лишь немецко-фашистская литература. В III томе рецензии носят уже значительно более серьезный характер. С интересом, например, читается рецензия М. С ч а н е ц к о г о на французский перевод книг Ю. Костржевского и З. Войпеховского, в которой ставится исключительно важная проблема информации заграничных ученых о достижениях польских историков. Думается, что большую помощь в этом деле, наряду с переломами важнейших книг на иностранные языки (кстати сказать, наше Издательство иностранной литературы проявляет ничем неоправданную пассивность в этом важнейшем вопросе), могут оказать развернутые резюме в польских журналах и книгах так, как это сделано в рецензируемом томе «Археологии», где развернутое резюме содержания статей на русском и французском языке занимает 41 страницу журнала — 1/6 часть соответствующего текста статей.

Во многих рецензиях дается не только изложение содержания книги, но взгляды автора оцениваются и частично критикуются на общем фоне развития той или иной отрасли знания. Значительное место в этом разделе занимают обзоры содержания советских изданий по археологии и древней истории. Серьезным минусом этого раздела, так же как и всего журнала в целом, все еще остается недостаточно заостренная борьба против современной американско-английской археологии.

В разделе «Хроника», к сожалению, для иностранного читателя, значительно хуже, чем в первых двух томах, освещена научная жизнь в Польше; нет сообщений о деятельности соответствующих кафедр университетов, музеев и научных обществ. Большой интерес представляет только подробный отчет об образцово подготовленной выставке «Труд в Афинах во время Перикла» (стр. 352—389). Хорошо поставлена в «Хронике» археологическая информация из разных стран, в особенности славянских. Кстати, вряд ли правильно, особенно для археологического журнала, давать хронику из Венгрии и особенно Румынии под рубрикой «Прочие страны Европы», ведь население этих стран на протяжении многих столетий было не менее славянским, чем, например, Болгарии.

В заключение несколько общих замечаний о содержании рецензируемого тома. В первых двух томах основная масса статей была в той или иной степени посвящена вопросам древнейшей истории населения Польши по античным литературным и по местным археологическим источникам. Собственно классической, античной археологии в этих двух томах было посвящено значительно меньшее количество статей. В третьем томе «Археологии» положение несколько иное. Большинство статей, притом статей, определяющих собой лицо всего тома, посвящено археологии античности в узком смысле слова. Такая линия развития тематики журнала является вполне закономерной, особенно если учесть наличие в Польше большого количества журналов, посвященных специально ранней истории Польши как *Przegląd Archeologiczny*, *Wiadomości Archeologiczne*, *Slavia antiqua* и многие другие.

Второе замечание относится к авторскому коллективу журнала. Повидимому, здесь все еще дело обстоит неблагоприятно: круг авторов очень незначительно расши-

¹ Содержание доклада К. Маевского полностью пересказано в резюме на русском и французском языках в конце тома (стр. 431—435).

рился по сравнению с предыдущими томами, притом вряд ли за счет молодых ученых. Слов нет, работы К. Маевского и Б. Билиньского написаны на более высоком уровне и с большим блеском, чем это сделали бы начинающие авторы, но будущее польской науки зависит в значительной степени от того, какое количество молодых, воспитанных в духе марксизма специалистов будет участвовать в научной работе.

В-третьих, еще раз о характере отдела *Miscellanea*. Три очень важные и в политическом и в научном отношении статьи (Фреля и Маевского), которые касаются методологии античной археологии, помещены в этом разделе, имеющем в глазах редакции несомненно меньшее значение, чем головной отдел журнала, в то время как значительно более слабые статьи по частным вопросам определяют собой лицо всего тома. Думается, что такое отношение к научно-политическим статьям является в некоторой степени пережитком того «позитивистского направления» в археологии, которое так метко критикует И. Фрель и сам редактор журнала. Ведь указанные статьи в *Miscellanea* затрагивают важнейшие вопросы развития археологической науки в Польше.

Несмотря на все перечисленные недостатки, все же рецензируемый том «Археология» читается очень легко и с большим интересом. Содержание журнала улучшается из номера в номер. Пожелаем авторскому коллективу еще больших успехов в важном деле развития марксистской археологии в строящейся социализм Польше.

Я. А. Ленцман

*THE JOURNAL OF HELLENIC STUDIES за 1945—1950 гг.*¹

JHS — «солидный» английский исторический журнал, посвященный, как видно из его заглавия, изучению эллинского мира. Он принадлежит к числу ведущих периодических изданий по древней истории в капиталистическом мире. Каковы же особенности и качество послевоенной продукции буржуазных ученых-античников, опубликовавших свои исследования на страницах JHS? В рецензируемых шести томах журнала напечатано около 50 больших статей, не считая небольших заметок и кратких рецензий-аннотаций. Две трети статей — формально искусствоведческого и описательно-археологического содержания. В них с большой тщательностью и эрудицией, достойными лучшего применения, описываются различные, чаще всего малозначительные, памятники древности. Авторы как искусствоведческих, так и археологических работ не ставят перед собой задачи решить какую-либо важную историческую проблему, а ограничиваются голым описанием памятника с привлечением некоторых субъективно подобранных аналогий. В лучшем случае их интересует уточнение какого-нибудь спорного факта на материале новооткрытых памятников, вне зависимости от исторической значимости уточняемого факта. Абстрактно, неисторически, подходят к своему предмету и авторы изредка встречающихся в JHS статей по античной философии и литературе. В одной из них, благоговейно восхваляющей «глубины платоновской мудрости», восторженно сообщается, что «некоторые» считают Платона «древнейшим нацистом».

Это «открытие» наряду с другими «перлами», разбросанными в написанных «академическим» стилем статьях, ярко показывает проводимую на страницах JHS фальсификацию истории.

Статей исторического содержания во всех рецензируемых томах не более девяти. В них особенно четко проявляется методологическая беспомощность и субъективизм их авторов. Реакционность, формализм, механическое отождествление прошлого с настоящим, молчаливая предпосылка о неизменности человеческой природы и цикличности об-

¹ Т. т. LXV—LXX, вышедшие в свет в 1947—1950 гг.